

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.В. Кривушин, Е.В. Миронова

**ИСТОРИОГРАФИЯ
ШОТЛАНДСКОГО СЕПАРАТИЗМА**

Препринт WP21/2020/01

Серия WP21

Международные отношения
и зарубежные региональные исследования

Москва
2020

УДК 327
ББК 66.69
К82

Редактор серии WP21
«Международные отношения
и зарубежные региональные исследования»

И. В. Кривушин

Кривушин, И. В., Миронова, Е. В.

К82 **Историография шотландского сепаратизма** [Текст] : препринт WP21/2020/01 / И. В. Кривушин, Е. В. Миронова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – (Серия WP21 «Международные отношения и зарубежные региональные исследования»). – 28 с. – 20 экз.

В работе рассматривается история и главные направления изучения националистического и сепаратистского движения в Шотландии в зарубежной и отечественной политической и исторической науке. Выявляются основные периоды исследований и наиболее важные публикации по данной проблематике. Авторы приходят к выводу, что эволюция шотландского сепаратизма после референдума 2016 г. о выходе Великобритании из ЕС до сих пор не стала предметом серьезного внимания со стороны как отечественных, так и зарубежных исследователей.

УДК 327
ББК 66.69

Ключевые слова: Шотландия, сепаратизм, историография

Кривушин Иван Владимирович — доктор исторических наук, профессор Департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

Миронова Елена Владимировна — магистр политологии, аспирант Департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Кривушин И.В., 2020
© Миронова Е.В., 2020
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2020

Историография шотландского национализма и его крайней формы — шотландского сепаратизма — имеет давнюю историю¹. Однако, как это обычно и бывает, развитие интереса к данной теме происходило волнообразно, завися от политической ситуации в Шотландии: внимание исследователей возрастало вместе с усилением националистического движения и спадало вместе с ослаблением националистических настроений. «Первое пришествие» шотландского национализма в лице ШНП в конце 1960-х — начале 1970-х годов² вызвало первый взрыв интереса к этому движению. В 1971 г. появилась статья Г. Бегга и Дж. Стюарта об истории националистического движения в Шотландии вплоть до конца 1960-х годов с фокусом на эволюцию ШНП [Begg, Stewart, 1971, p. 135–172]. В 1975 и 1977 гг. были опубликованы монографии Майкла Хектера и Тома Нэрна, которые попытались объяснить подъем национализма в провинции: с их точки зрения, катализатором этого подъема стало экономическое и социальное неравенство между Шотландией и Англией. По мнению Нэрна, «неравное развитие» внутри Британии после 1707 г. привело к тому, что Шотландия стала *периферийной* территорией по сравнению с *основной* территорией Англии, и оно является залогом неизбежного в будущем отделения от Соединенного Королевства не только Шотландии, но также Уэльса и Северной Ирландии [Nairn, 1977]. Эта позиция созвучна идее Хектера о том, что включение «кельтской периферии» в Соединенное Королевство явилось формой «внутреннего колониализма». Хектер считает, что главным стимулом для националистической агитации стало «культурное разделение труда», поскольку население «кельтской периферии» начинает выражать все большее недовольство своим недостаточным представительством на влиятельных постах в шотландской экономике и политике, тем более что политические и экономические проекты, предлагаемые центром (империя, либерализм), «перестают работать»; вот почему сре-

¹ См., напр., статью Дж. Прайда, который дает обзор истории националистических настроений в Шотландии со Средних веков, одно из ранних обращений к теме шотландского национализма [Pryde, 1935, p. 264–280].

² Бен Джексон даже утверждает, что временем его настоящего рождения следует считать 1960-е годы [Jackson, 2014, p. 5].

ди шотландцев укрепляется стремление к созданию суверенного государства, которое единственное может устранить неравенство между периферийной и основной территориями [Hechter, 1975].

В своей монографии 1986 г. Энтони Смит сформулировал тезис, что шотландский национализм — часть «этнического возрождения», которое основывает свои ключевые требования на понятии шотландского «этноса», обеспечивающего культурную, политическую и эмоциональную солидарность для националистического движения. Шотландский национализм, по его мнению, стремился противостоять поглощению шотландского «этноса» британским государством и доминирующей в нем английской нацией [Smith, 1986]. Правда, в своих более поздних работах он скорректировал свое «этническое объяснение», пояснив, что понятие «этнос» описывает скорее не некую реальность, а идеальный тип, и что главная функция «этносов» заключается в их способности выступать в качестве основы этнической солидарности и мифов о происхождении [Smith, 2010].

В своей книге 1992 г. Линда Колли развила идею Майкла Хектера о распаде Британской империи как катализаторе националистического движения в Шотландии: провинция много выиграла от пребывания в составе Соединенного Королевства, когда оно контролировало огромные заморские территории; тем глубже было недовольство шотландцев, когда эти выгоды остались в прошлом [Colley, 1992]. На другой катализатор указал в своей новой работе Том Нэрн: тэтчеризм, который попытался демонтировать созданное лейбористами социальное государство в Британии; поскольку для среднего класса Шотландии зависимость от системы социального обеспечения имела гораздо большее значение, чем для англичан, то и «социальная травма» у них от реформ 1980-х годов оказалась гораздо более глубокой, вызвав отчуждение от политического класса в Вестминстере [Nairn, 1997, p. 192].

Несмотря на указанные публикации, в целом спад политического национализма в Шотландии в 1980-х — 1990-х годах вызвал соответствующее снижение внимания к нему со стороны ученых и сокращение числа исследований, специально ему посвященных. Однако с приходом к власти в Лондоне «новых лейбористов» и реализацией проекта деволуции оно вновь стало расти. В 1998 г. вышли коллективная монография Элис Браун, Дэйвида Макгроуна и Линдси Патерсон и книга Кристофера Харви. В первой работе, хотя ее и

нельзя определить как «исследование шотландского национализма», был поставлен вопрос, почему национализм не получил широкой поддержки в «век национализмов», т.е. в XIX столетии. По мнению авторов, это произошло потому, что «ни одна фракция в политической жизни страны никогда не чувствовала себя настолько отчужденной от политической системы, чтобы желать изменить ее» [Brown, McCrone, Paterson, 1998, p. 52]. Со своей стороны, Харви представил обстоятельный обзор исторического развития шотландского политического национализма; он доказывал, что его главная тенденция — растущее признание необходимости обеспечить политическое представительство шотландцев в структурах власти [Harvie, 1998].

Новый взрыв интереса к шотландскому национализму и прежде всего к его доминантной форме — шотландскому сепаратизму — произошел в конце 2000-х — начале 2010-х годов в связи с электоральными успехами ШНП и ее приходом к власти в Шотландии. В работах Дженет Лайбл и Питера Престона, вышедших в 2008 г., шотландский сепаратизм ставится в «европейский контекст». Лайбл сравнивает историческую эволюцию ШНП и Фламандского блока, выясняя, как шотландские и фламандские сепаратисты трактуют понятие «нация», какие конституционные проекты они стремятся реализовать, какова их идеология и основные политические проблемы и как они относятся к европейской интеграции [Laible, 2008, p. 41–72]³. Престон стремится сделать более широкие обобщения, пытаясь увидеть в шотландском сепаратизме естественный результат внутренних процессов в ЕС и отражение нежизнеспособности политической структуры Соединенного Королевства [Preston, 2008, p. 717–728]. «Шотландские националисты, — утверждает он, — не оглядываются назад на национальное государство в стиле XIX в., а устремляются вперед к более четкому определению места Шотландии в рамках децентрализованного суверенитета, который все больше характеризует рождающееся европейское политическое целое» [Preston, 2008, p. 721–722].

Электоральные успехи ШНП опровергли знаменитое пророчество 1995 г. лейбориста лорда Дж. Робертсона: «...деволюция должна убить национализм до смерти». Оказалось, что деволюция, наобо-

³ Лайбл не первая поставила вопрос об отношении ШНП к европейской интеграции. Первое специальное исследование на эту тему было проведено Ацуко Итидзё в начале 2000-х годов [Ichijo, 2004].

рот, способствовала росту не просто национализма, но сепаратизма в Шотландии. Именно этот парадокс попытались объяснить авторы коллективной монографии «Заработала ли деволюция?», изданной под редакцией Джона Кёртиса и Бена Сейда [Has Devolution Worked?, 2009]. В ней они рассмотрели первое десятилетие деволюции в Шотландии с точки зрения политиков, групп интересов и граждан в целом. В результате авторы пришли к выводу, что в восприятии этих трех групп населения деволюция не привела к формированию более эффективного механизма принятия политических решений, появлению более ответственного правительства и только стимулировала требования предоставления большей автономии [Ibid., p. 175–176]. Они также заметили, что электоральный выбор шотландцев определялся их отношением к вопросам, которые входят в компетенцию не Шотландской ассамблеи, а британского парламента [Ibid., p. 169].

В том же году появилось первое комплексное коллективное исследование главной силы шотландского национализма — ШНП. Его авторы рассматривают самые разные аспекты истории и современного состояния партии — происхождение ШНП, ее превращение из маргинальной в «мейнстримную» партию, состав электората ШНП, ее экономическая, социальная и культурная программа и т.д. [The Modern SNP, 2009]. И тогда же была опубликована монография ведущего специалиста по шотландской политике Майкла Китинга, который посвятил свою работу проблеме независимости Шотландии [Keating, 2009]. В противовес Энтони Смиту он заявил, что «шотландский национализм отличен от многих других националистических движений: исторически он не имел этнической (и лингвистической) основы; он был лишь политизирован в конце XIX в.»; с другой стороны, его следует понимать в контексте юнионизма, который «в отличие от государственных националистов в других европейских странах, полностью признает национально-культурное разнообразие, административную децентрализацию и особые гражданские институты Шотландии» [Ibid., p. 38]. Китинг подчеркивал, что содержание понятия «суверенитет» значительно изменилось в Шотландии по сравнению с 1930-ми годами: «...главный вопрос не в том, как быть отличным, но каковы границы политического сообщества и каковы институты, необходимые для оформления некоего социального и экономического проекта» [Ibid., p. 48]. Иначе говоря, независимость

обеспечивает условия не для выживания той или иной этнической общности, а для реализации модели социального государства. Это соответствовало идее, которую высказали Том Нэрн и еще раньше Линдси Патерсон [Paterson, 1994, p. 38], что шотландский электорат гораздо больше, чем английский поддерживает существование государственного сектора в экономике и политику перераспределения доходов в целях социальной справедливости. В статье, вышедшей в 2010 г., Китинг указал на крах «старого юнионистского консенсуса», однако подчеркнул, что до сих пор не возник «националистический консенсус», который мог бы его заменить; именно в этом он видел главное препятствие на пути обретения независимости Шотландии, а не в каких-то конституционных, правовых и политических проблемах [Keating, 2010, p. 103–119].

Указанные работы 2009 г. были едины в главном — шотландский сепаратизм представляет серьезнейший вызов для «юнионистской архитектуры британского государства». С этого времени «сепаратистская проблема» стала одной из основных в британских историко-политических исследованиях. Ученых в первую очередь интересовали причины роста влияния ШНП и ее электоральные перспективы. Так, Марри Лейт и Мартин Стивен доказывали, что успехи партии на электоральном поле имеют ограниченный характер, поскольку у нее есть и сильные, и слабые стороны, прежде всего то, что у нее «нет центрального ядра, основанного на языке, религии или этничности» [Leith, Steven, 2010, p. 268]. Цель достижения независимости, по мнению авторов, остается далекой от реализации, как бы ловко ШНП не использовала благоприятные политические обстоятельства [Ibid., p. 268]. Джерри Хэссан, ставя тот же вопрос, пытается определить специфику шотландского национализма, который он называет «пост-национализмом» [Hassan, 2011, p. 365–378]. Со своей стороны, Дэйвид Маккроун связывает причины электоральных побед ШНП с особенностями партийно-политической системы Шотландии, где, в отличие от английской системы, соперничество разворачивается в рамках левоцентристского поля [McCrone, 2012, p. 69–76]. Исследователи обращают все большее внимание на стратегию ШНП, которую Эндрю Майкок, в частности, связывает с «постколониальным нарративом независимости Шотландии» [Muscok, 2012, p. 53–69], и шотландский националистический дискурс [Prentice, 2010, p. 405–437];

Leith, Soule, 2011; Hepburn, McLoughlin, 2011, p. 383–399]. В 2014 г. появляется первое серьезное исследование идеологии современного шотландского национализма, которая, по мнению его автора, Бена Джексона, достигла зрелости лишь в 1980-х — 1990-х годах [Jackson, 2014, p. 50–56]. Он делает вывод, что современный шотландский национализм выдвигает лозунг независимости прежде всего не для того, чтобы защитить культуру предков, которая находится под угрозой, а чтобы реализовать «политическую повестку левых в неолиберальную эру» [Ibid., p. 50].

После заключения в 2012 г. Эдинбургского соглашения о проведении референдума о независимости провинции интерес к шотландскому национализму усиливается. Анализ переговорного процесса и достоинств и недостатков этого соглашения провела Элисенда Касанас Адам, которая особо подчеркивает, что выбор был намеренно ограничен одной альтернативой [Casanas Adam, 2014, p. 47–66]. С точки зрения Паоло Дарданелли и Джеймса Митчелла, решение о проведении референдума отражало усиливающийся общеевропейский тренд — стремление безгосударственных наций в демократических странах обрести независимость [Dardanelli, Mitchell, 2014, p. 88–105].

В фокусе внимания оказываются, однако, возможные экономические, внутривнутриполитические и международные последствия победы на референдуме сторонников «да» — как для Шотландии, так и для Соединенного Королевства в целом [Flamini, 2013, p. 57–63]. По мнению Чарлза Кинга, «даже если ШНП не сможет набрать абсолютное большинство голосов за полную независимость, сам по себе факт проведения референдума будет означать победу. Шотландия установит свое право на организацию плебисцита и докажет, что значительное число шотландских жителей поддерживает расширение прав и возможностей» [King, 2012, p. 117]. Он также делает вывод: «В долгосрочной перспективе усиление ШНП сделало конец Соединенного Королевства вполне обсуждаемой возможностью» [Ibid., p. 121]. С точки зрения Брит Картрайт, референдум неизбежно повлияет на другие националистические движения в Соединенном Королевстве (как на «кельтской периферии», так и в «английском ядре»), однако степень этого влияния зависит от состояния этнополитической мобилизации в соответствующих областях, которое очень различно [Cartwright, 2012, p. 512–534].

В опубликованной в 2013 г. статье Роджер Мэсон утверждает (отталкиваясь от мнения Линды Колли), что Британская империя была «непропорционально шотландским проектом, от которого Шотландия получила неизмеримые выгоды. До тех пор пока торговля и промышленность продолжали процветать, шотландцы были в целом удовлетворены своей двойной шотландской и британской идентичностью» [Mason, 2013, p. 144]. После распада империи, считает автор, ситуация коренным образом изменилась и в результате «ШНП не только монополизировала левоцентристское политическое пространство, оставленное пустым из-за крена вправо британских партий, но также создала соблазнительный нарратив, который внедрил их социал-демократические ценности в саму ткань шотландской истории» [Ibid., p. 144]. Мэсон дает понять, что распад Соединенного Королевства практически неизбежен по причине асимметричности его политической географии: «Как можно заставить работать федерализм в многонациональном государстве, в котором настолько доминирует одна из составляющих его частей?» [Ibid., p. 145].

Наиболее полно вопрос о возможных экономических последствиях референдума был рассмотрен авторами специального номера журнала “National Institute Economic Review”, вышедшего в феврале 2014 г. [National Institute, 2014]. В опубликованных в нем статьях рассматривались самые различные аспекты проблемы (налоговая система, финансирование пенсий, валюта, государственный долг) и даже вопрос о том, какую модель государства следовало бы избрать независимой Шотландии [Keating, Harvie, 2014, p. 54–66]. Международным же последствиям была посвящена статья Уильяма Уокера, увидевшая свет в июле 2014 г. [Walker, 2014, p. 743–759].

После референдума 2014 г., естественно, возникла необходимость объяснить причины поражения сторонников «да». Так, Роланд Флэмини предложил весьма парадоксальную версию случившегося: «ШНП управляла столь эффективно, создав то, что один писатель назвал “Шотландией социальной справедливости, зеленой энергии и черного золота”... что избиратели, возможно, не видят смысла в том, чтобы сталкиваться с таким потрясением, каким станет переход к независимости» [Flamini, 2014, p. 13]. Более обстоятельный анализ результатов референдума провел Том Маллен, который исследовал электоральный выбор в зависимости от социально-экономического статуса, гендера, возраста, места рождения, партийной принадлеж-

ности и географии голосовавших. Он делает вывод, что для исхода референдума более значимой оказалась не идентичность, а опасения относительно негативных последствий выхода Шотландии из Соединенного Королевства [Mullen, 2014, p. 627–640]. По сути дела, к этому же заключению приходят Том Дивайн, утверждающий, что главная причина поражения сторонников «да» — то, что они «явно не смогли дать убедительные ответы на те многие сомнения экономического порядка, которые застряли в создании большинства электората во время кампании» [Devine, 2017, p. 386–387], а также авторы коллективной монографии, изданной в 2017 г. под редакцией Майкла Китинга; последние также подчеркивают, что после референдума шотландское общественное мнение осталось расколотым, и самый большой сегмент населения до сих пор склонен к третьему пути между союзом и независимостью, т.е. к большей автономии [Debating Scotland, 2017].

Рос Бонд, наоборот, сделал акцент на важности национальной идентичности в процессе электорального выбора; по его мнению, кампания перед референдумом 2014 г. привела к гораздо более тесному «союзу» между национальной идентичностью и политическими взглядами. Он также считает, что национальная идентичность в Шотландии может быть понята как ряд лишь частично перекрывающихся и изменяющихся элементов, основанных на субъективной национальной принадлежности, месте жительства, политических правах, политико-конституционных установках и осознании людьми чувства близости к (британскому) социальному пространству [Bond, 2015]. Вопросу о роли идентичности посвятил свое исследование Александр Смит, правда, в фокусе его внимания оказалась не шотландская, а прежде всего британская идентичность [Smith, 2017, p. 54–70]. По мнению же Чарлза Пэтти и Рона Джонстона, национальная идентичность действительно имела большое значение для исхода референдума, но не была единственным фактором; также имели значение экономический и политический курс правительства Дж. Кэмерона, неравномерное развитие Шотландии и Англии, идеологические предпочтения, доверие к политикам и (правда, в меньшей степени) партийная принадлежность [Pattie, Johnston, 2017, p. 83–96].

Необычное объяснение неудачи сторонников «да» на референдуме 2014 г. предложили в 2017 г. Кай Гёринг и Стефан Шнайдер, хотя

главной темой их исследования были электоральные успехи ШНП в 1970-е годы. Придя к заключению о важности нефтяного фактора для электоральной поддержки ШНП (открытие крупных месторождений нефти в Северном море привело к росту доли ее сторонников), они заявляют: «Результаты <выборов> после 1970 г. показывают, что снижение цены на нефть со 100 до 40 долл. могло вести к падению электоральной поддержки ШНП на 7,5 п.п. *Что же касается прова-лившееся референдума о независимости Шотландии в 2014 г. ...* (курсив наш. — И.К., Е.М.), то низкая цена на нефть, возможно, сыграла критическую роль» [Gehring, Schneider, 2017, p. 36]. Этот референдум, считают авторы, «свидетельствует, что во времена низких нефтяных цен обычных культурных различий недостаточно, чтобы убедить избирателей в выгодах сецессии» [Ibid., p. 37].

Джонатан Хёрн, оценивая итоги голосования, делает любопытный вывод о том, что дебаты перед референдумом велись сугубо в рамках левоцентристской шотландской идентичности и что борьба шла не между национализмом и его противниками, а между разными версиями национализма: «На референдуме, — пишет он, — обе стороны, и “да”, и “нет”, защищали предпочтительную для них концепцию шотландской нации и того, что в ее интересах» [Hearn, 2014, p. 508].

Вопрос о пропагандистском воздействии на избирателей и о механизмах националистической пропаганды перед референдумом поднял Роуэн Макей, который проанализировал способы легитимации идеи независимости в видеофильме ШНП «Два будущих» [Maskey, 2015, p. 323–348]. В 2017 г. Стюарт Макэнулла и Эндрю Крайнс опубликовали статью, в которой впервые проанализировали риторику А. Сэлмонда перед референдумом и приемы конструирования им особой формы шотландской идентичности [McAnulla, Crines, 2017, p. 473–491]. Дискурс всех основных политических акторов кампании перед референдумом (ШНП, шотландских лейбористов и шотландских консерваторов) на материале партийных манифестов и деклараций о конституционной политике исследовал Стюарт Вигэм [Вигэм, 2019, с. 1212–1237].

Вигэм и Энтони Мэй затронули другой любопытный аспект этой проблемы, попытавшись проанализировать репрезентации спорта в дискурсе кампании «да»; они, правда, делают вывод, что эта тема имела в пропагандистской кампании 2014 г. лишь периферийное, до-

полнительное значение [Whigham, May, 2017, p. 557–572]. Данный аспект Вигэм затем продолжит изучать вместе с другими коллегами, в том числе испанскими; в 2019–2020 гг. они представили свои выводы в двух статьях, в которых сравнивается роль спорта и спортивных организаций в кампаниях за независимость Шотландии и Каталонии [Whigham, Lopez-Gonzalez, Ramon, 2019, p. 2019–244] и в целом в истории сепаратистских движений [Vaczi, Bairner, Whigham, 2020, p. 1–17]. Обращение к вопросу о связи шотландского политического национализма и спорта, однако, было не первым в историографии. Так, в 2013 г. Айрин Рэйд опубликовала исследование об эволюции хоккея от народного вида спорта к современному в контексте националистических настроений в Шотландии в 1887–1928 гг. [Reid, 2013, p. 2098–2114].

Неудивительно, что в этот период проблема шотландского национализма и сепаратизма начинает все больше интересовать неанглоязычных ученых, прежде всего испанских, что, безусловно, связано с наличием сильных сепаратистских движений в этой стране. Так, Сусана Санчес Ферро проследила историю взаимоотношений Шотландии и Великобритании с 1707 г., сделав акцент на переходе от централизма к децентрализации [Sánchez Ferro, 2015, p. 111–156]. Альберто Доррего де Карлос исследовал основные позиции и документы в дебатах о политическом будущем Шотландии и о проведении референдума о независимости после успеха ШНП на выборах 2007 г. [Dorrego de Carlos, 2012, p. 85–121]. Альберто Лопес Басагурен провел анализ результатов референдума 2014 г. с точки зрения распределения голосов по территориям, возрастным и гендерным группам, мотивов электорального выбора и последовавшего предложения Комиссии Смита о расширении прав Шотландского парламента; он сделал попытку объяснить, почему правительство Д. Кэмерона согласилось на проведение референдума и поставил вопрос, как этот референдум «вписывается» в британскую конституцию [López Basaguren, 2017, p. 139–168].

В последние годы основные направления исследований шотландского национализма и сепаратизма в целом остались прежними. Так, Робин Мэн и Стив Фентон вновь затронули проблему связи роста националистических настроений в Шотландии с ее «деиндустриализацией» и «ужиманием» социального государства вследствие реформ М. Тэтчер и политики «новых лейбористов», что сопровождается

лось переориентацией рабочего класса и средних слоев на ШНП [Mann, Fenton, 2017, p. 139–168]. Некоторым темам стало уделяться больше внимания, в частности, внешнеполитическому фактору шотландского национализма⁴. Среди новых аспектов, к изучению которых обратились исследователи шотландского национализма и сепаратизма, можно отметить, в частности, постановку вопросов о роли темы безопасности (и особенно кибербезопасности) в дебатах перед референдумом 2017 г. и в целом в контексте дискуссий о независимости Шотландии [Security in a Small Nation, 2017; Hardie, 2017] и об использовании правительством ШНП образовательной политики как инструмента продвижения ценностей «модернизированного» или гражданского национализма [Ozga, 2017, p. 25–40]. Кроме того, было сделано несколько попыток проследить электоральную эволюцию Шотландии после 2014 г., однако эти попытки ограничились, по сути дела, анализом итогов всеобщих выборов 2016 г., на которых ШНП наголову разгромила всех своих политических противников. По мнению Давиде Моризи, этот успех объясняется негативной кампанией против ШНП, которая сплотила вокруг нее тех, кто считает себя шотландцами [Morisi, 2018, p. 895–909], по мнению Эдварда Филдхауса и Кристофера Проссера — референдумом 2014 г., который укрепил связь между голосованием за ШНП и сепаратистскими настроениями [Fieldhouse, Prosser, 2018, p. 11–25]. Правда, в 2018 г. Джон Агнью поставил под сомнение долговременность электоральных успехов ШНП, ссылаясь на не слишком удачные для нее итоги всеобщих выборов 2017 г., которые, по его словам, доказали эфемерность тезиса, что вся Шотландия «выстроилась в одну националистическую колонну» [Agnew, 2018, p. 1–2, 5–23]. Однако представленная картина далеко не полная, и не только потому, что исследователи пока не учли результаты успешных для сепаратистов всеобщих выборов 2019 г., но прежде всего из-за того, что ответ на вопрос об электоральных тенденциях требует анализа выборов всех типов (в Шотландскую ассамблею, в местные советы, в Европейский парламент).

И наконец, самый важный вопрос — о влиянии на националистическое движение в Шотландии фактора Брексита. Первым этот вопрос поднял еще в 2015 г. журналист Стивен Эрлангер, который

⁴ См., напр., работу Диего Муро, Гильема Видаля и Мартина Власкампа [Muro, Vidal, Vlaskamp, 2020, p. 176–196].

предсказал в случае успеха брекзитеров усиление позиций шотландских сепаратистов, повышение вероятности нового референдума о независимости и победы на нем сторонников отделения от Соединенного Королевства [Erlanger, 2015, p. 38–42]. Вслед за ним французская исследовательница Вивьен Пертюзо высказала мысль, что победа брекзитеров ослабит Соединенное Королевство, особенно на шотландском направлении [Pertusot, 2016, p. 135–147]. Уже после референдума 2016 г. Этайн Таннем сформулировал тезис, что «Брекзит не является причиной шотландского национализма, но он чрезвычайно усилил дело националистов» [Tannam, 2016, p. 13]; он «катализировал национализм в Шотландии», хотя треть сторонников ШНП поддержала Брекзит [Ibid., p. 8]. В 2019 г. Ричард Эшкрофт и Марк Бивир высказали мнение, что «Брекзит и возобновившиеся призывы к независимости Шотландии переплетены с нынешним недовольством по поводу мультикультурализма» [Ashcroft, Bevir, 2019, p. 26]. Английская идентичность, считают они, «более сильно связана с евроскептицизмом, чем шотландская, валлийская и североирландская, и это, возможно, связано с различными взглядами на то, угрожает ли иммиграция и мультикультурализм какой-то национальной идентичности и какой именно национальной» [Ibid., p. 37]. Сторонники же независимости Шотландии «изображают ее как отличающуюся от других частей Соединенного Королевства в том, что она принимает и мультикультурализм, и иммиграцию» [Ibid., p. 37–38]. В то же время Юбер Риу обратил внимание на схожесть экономического национализма брекзитеров и шотландских сепаратистов; его суть не в стремлении к автаркии, а в диверсификации торговых отношений и сохранении контроля над экономической политикой через ослабление зависимости от каких-то более крупных политических сообществ (соответственно, ЕС и Соединенного Королевства) [Rioux, 2020]. Однако до сих пор не было проведено серьезного исследования воздействия Брекзита ни на шотландский электорат и составляющие его социальные группы, ни на электоральную эволюцию Шотландии в 2017–2019 гг.

* * *

Если же говорить об отечественных работах, посвящённых проблеме борьбы за независимость Шотландии, то следует констатировать явный недостаток трудов фундаментального характера. Пока

в Российской Федерации есть лишь один серьёзный исследователь процессов, происходящих в этом регионе, — Н.В. Еремина. В 2003 г. она защитила кандидатскую диссертацию, посвященную проблеме статуса Шотландии в 90-е годы XX в. В ней исследователь рассматривает вопросы деволуции и изменения статуса Шотландии, выясняет, насколько проведенная в конце 1990-х годов деволуция удовлетворила чаяния населения региона [Еремина, 2003]. В своей докторской диссертации Еремина провела сравнительный анализ процессов, происходивших в Уэльсе и Шотландии в конце 1990-х годов, показала влияние конституционной реформы в Великобритании на политическое развитие этих регионов. Таким образом, самый крупный исследователь политических процессов в Шотландии в течение долгого периода был сосредоточен на изучении конституционной реформы [Там же, 2012]. Тем не менее круг ее интересов не ограничивается только этим вопросом. Референдум о независимости Шотландии, успех ШНП в 2016 г. и события, связанные с Брекзитом, вызвали огромный интерес отечественных исследователей. Не обошла эти проблемы стороной и Н.В. Еремина. Так, в прошлом году вышла её статья в соавторстве с А.С. Кагриманяном «Брекзит: еще один исторический шанс для Шотландии?» [Еремина, Кагриманян, 2016, с. 84–97]. Исследователи размышляют о причинах роста влияния ШНП в регионе, анализируют результаты голосования по Брекзиту в зависимости от возраста и района Шотландии, сравнивают политические предпочтения шотландцев и англичан. Но авторы не рассматривают зависимость голосования от принадлежности к социальной группе. Кроме того, исследователи уделяют серьёзное внимание возможному дальнейшему статусу Шотландии после Брекзита. В настоящее время Н.В. Еремина является экспертом РСМД. Последняя ее статья посвящена анализу эволюции программы ШНП и перспективам организации второго референдума о независимости Шотландии [Еремина, 2020].

Также необходимо отметить статьи И.В. Кривушина, посвящённые шотландскому сепаратизму. Работы этого исследователя отличает пристальное внимание к электоральной статистике, благодаря которому удаётся выявить отношение разных слоев населения и регионов к проблеме независимости и проследить его динамику. В статье «Первое пришествие» политического национализма в Шотландии» он рассматривает историю создания ШНП и причины рез-

кого роста популярности националистов в 1960-е годы. И, что гораздо важнее, автор выявил фактор, способствовавший быстрой потере лидирующих позиций ШНП в конце 1970-х годов — отсутствие сформированного культурного национализма и глубинной потребности в создании шотландской нации [Кривушин, 2011, с. 55–73]. Вторая статья И.В. Кривушина затрагивает рост популярности ШНП в период с конца 1990-х годов до 2008 г. На примере Глазго, одного из ключевых городов Шотландии, автор демонстрирует, благодаря каким факторам ШНП смогла добиться успехов в городе, где она традиционно не получала поддержки. Ориентация националистов на социальные проблемы позволила ей получить голоса избирателей бедных районов города [Там же, с. 77–91]. Отдельного внимания заслуживает работа этого исследователя, посвященная анализу причин роста поддержки ШНП в 2000-е годы. В ней И.В. Кривушин прослеживает динамику поддержки ШНП с 1999 по 2011 г., рассматривает агитацию разных политических сил перед референдумом 2014 г. и голосование на референдуме в зависимости от возраста и социального положения избирателей. Автор констатирует факт изменений геоэлекторальных тенденций в Шотландии, а также то, что ШНП «оттянула» на себя социальные слои, которые ранее голосовали за лейбористов: квалифицированных рабочих, низшие слои среднего класса, низкооплачиваемых и безработных в благополучных регионах. Также, анализируя результаты референдума 2014 г., И.В. Кривушин приходит к выводу, что провал референдума стал причиной «разгромной победы» ШНП на всеобщих выборах в Парламент Британии в 2015 г. [Там же, с. 129–143].

Референдум 2014 г. вызвал резкий всплеск интереса к Шотландии у отечественных учёных. В 2012–2016 гг. вышло немало статей, в которых рассматриваются вопросы борьбы за независимость Шотландии. Часть из них посвящена процессам, происходившим в 1990-е и 2000-е годы, часть — самому референдуму и его последствиям.

Так, Н.В. Кочегарова и А.В. Новиков попытались выявить причины роста влияния ШНП в конце 1990-х годов. Главной из них они называют отсутствие продуманной региональной политики у Вестминстера. Авторы отмечают тот факт, что именно активность шотландских партий привела к активизации деятельности общebritанских партий и движения за конституционную реформу [Кочегарова, Новиков, 2016]. Также А.В. Новиков в другой своей работе проана-

лизировал выборы 1999 г., позиции партий и их электоральные результаты. Пристальное внимание автор уделил рассмотрению предвыборных партийных манифестов. А.В. Новиков отметил, что в тот момент идея деволюции присутствовала в манифестах всех партий, борющихся за мандаты в Шотландии. И только ШНП придерживалась более радикальной точки зрения — необходимости достижения полной независимости региона [Новиков, 2016].

Отечественные работы, посвященные референдуму 2014 г., можно разделить на две группы. Первые были написаны до референдума, они касались причин роста сепаратистских настроений и влияния ШНП. Их авторы также давали прогноз результатов референдума. Вторая группа работ посвящена анализу итогов референдума и перспектив дальнейшего развития сепаратистских настроений в Шотландии.

В 2013 г. К.В. Косенко в своей статье размышляла о причинах стремления Шотландии к отделению от Великобритании и о последствиях обретения независимости. Автор пришла к неутешительному выводу: никаких положительных результатов шотландцам ожидать не стоит, а страна столкнется с серьезными экономическими проблемами. Автор попыталась предсказать варианты развития событий в зависимости от возможных итогов референдума [Косенко, 2013, с. 43–48]. О политической борьбе накануне референдума 2014 г. писали Т.Л. Андреева и А.С. Васильева. Они подробно рассмотрели агитационные кампании сторонников и противников независимости перед голосованием. Авторы пришли к следующему выводу: «На данный момент у правительства Салмонда нет внятных программ по решению большинства серьёзных вопросов, с которыми столкнётся Шотландия после обретения независимости» [Андреев, Васильева, 2014, с. 108–112]. В будущее независимой Шотландии не верит и С.М. Мещерякова. Она называет Шотландию «сырьевым паразитом», исследует предложения правительства Британии по инвестициям в шотландскую экономику и социальную сферу, обращает особое внимание на зависимость шотландской экономики от британских дотаций. Вывод автора: Шотландии невыгодна независимость [Мещерякова, 2014, с. 82–85]. О положительных и отрицательных последствиях отделения Шотландии размышлял также А.С. Кагриманян. Автор изучил отношение к идее независимости региона за последние 35 лет и пришел к выводу, что Шотландия останется в со-

стве Великобритании, но добьётся расширения полномочий своего парламента [Кагриманян, 2014, с. 745–752].

В.В. Васильев исследовал историю борьбы за независимость Шотландии. Он проанализировал природу глубоких противоречий между этим регионом и Британией и указал на возможные пути смягчения отношений между Вестминстером и Холирудом [Васильев, 2014, с. 135–148]. Е.А. Тюрин и Е.В. Савинова обратили внимание на этнический фактор политического развития Шотландии. Именно возрождение шотландского национального самосознания, по их мнению, влияет на рост сепаратизма в регионе [Тюрин, Савинова, 2014, с. 117–123].

Особого внимания заслуживают работы, в которых анализируются причины роста популярности ШНП в различные периоды.

П.А. Меркулов, Е.А. Тюрин и Е.В. Савинова исследовали трансформацию идеологических установок ШНП на протяжении всей истории её существования. Они выявили миротворческий, пацифистский характер шотландского национализма, который, по их мнению, помог ШНП в настоящее время добиться доминирующего положения в шотландской политике. Авторы также констатировали факт роста поддержки ШНП в регионе после референдума о независимости 2014 г. [Меркулов, Тюрин, Савинова, 2017, с. 153–159].

Программу ШНП и её обещания проанализировал в своей работе Е.В. Тюрин. Помимо сформированной у шотландцев национальной идентичности, самой главной причиной роста сепаратистских настроений в Шотландии он назвал стремление жить в «маленькой комфортной стране», пользуясь нефтью, имеющейся в регионе [Тюрин, 2012, с. 103–110].

И.Я. Мальцев размышлял о причинах роста сепаратистских настроений в 1997–2014 гг. По его мнению, решающим фактором роста популярности националистов стала неолиберальная политика Британии, которая противоречит стремлению шотландцев увеличить расходы на социальное обеспечение. Поэтому социально ориентированная программа ШНП оказалась привлекательной для населения региона. Кроме того, автор пришел к выводу, что голосование за ШНП является протестным, так как шотландцы считают британскую экономическую модель неудачной [Мальцев, 2015, с. 45–50].

Т.В. Черноморова уделила пристальное внимание программным установкам ШНП, благодаря которым партии удалось резко увели-

чить популярность в период с 2007 по 2014 г., и провела анализ агитационных материалов ШНП [Черноморова, 2015, с. 99–116].

Отдельного внимания заслуживает работа О. Охошина, посвящённая текущей политической тактике ШНП. Исследователь констатирует факт: ШНП выступает против «мягкого» Брекзита, так как только серьёзные экономические трудности, связанные с Брекситом, позволят ей удержать ведущие политические позиции в регионе. Автор утверждает, что шансов на проведение повторного референдума о независимости у шотландских сепаратистов нет [Охошин, 2018, с. 54–59].

Анализ отечественной литературы, посвящённой сепаратизму в Шотландии, показывает, что его эволюция в период 2016–2019 гг. практически не исследована. Комплексных работ о шотландском сепаратизме в эти годы пока еще не появилось. Исследователи в основном сосредоточены на изучении более ранней истории ШНП и анализе итогов референдума 2014 г., его влиянии на позиции шотландских националистов. Только одна статья, Н.В. Ереминой и С.В. Кагриманяна, затрагивает роль фактора Брексита в развитии сепаратистского движения в регионе.

* * *

Наш краткий обзор свидетельствует, что тема шотландского национализма и шотландского сепаратистского движения является одной из самых изучаемых в современных зарубежных историко-политических исследованиях, по крайней мере с конца 2000-х годов, что, безусловно, отражает усиление политической значимости этого феномена. Тематическое поле постоянно расширяется, и в сферу внимания историков и политологов попадают все новые и новые аспекты данной проблемы. Однако эволюция шотландского сепаратизма в самые последние годы и влияние на нее новых факторов, прежде всего Брексита, пока еще не стала предметом специального и всестороннего исследования. Восполнение этого пробела тем более необходимо, что период 2016–2019 гг. стал важным этапом в развитии шотландского сепаратистского движения, подготовившим триумф ШНП на всеобщих выборах в декабре 2019 г., который придал ему новый импульс и сделал перспективу обретения Шотландией политической независимости еще более вероятной.

Литература

Андреева Т.Л., Васильева А.С. Референдум 2014 г. как заключительный шаг на пути к политической независимости Шотландии // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 108–112.

Васильев В. Движение за независимость Шотландии. Ретроспективный анализ и современное состояние // Свободная мысль. 2014. № 5. С. 135–148.

Еремина Н.В. Проблема статуса Шотландии в девяностые годы XX века: автореф. дисс. ... к.ист.н. СПб., 2003.

Еремина Н.В. Феномен шотландской национальной партии // РСМД: Российский совет по международным делам. 21 января 2020 г. <<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fenomen-shotland-skoj-natsionalnoy-partii/>>.

Еремина Н.В. Этнорегиональные сообщества в процессах трансформации политической системы современной Великобритании: на примере Шотландии и Уэльса: автореф. дисс. ... д.полит.н. СПб., 2012.

Еремина Н.В., Кагримаян А.С. Брекзит: еще один исторический шанс для Шотландии? // Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 84–97.

Кагримаян А.С. Независимость Шотландии: быть или не быть? // Политика и общество. 2014. № 7 (115). С. 745–752.

Косенко К.В. Отделение Шотландии от Великобритании // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 5. С. 43–48.

Кочегарова Д.В., Новиков А.В. Политические позиции региональных партий Шотландии в отношении конституционной реформы // Общество, политика, экономика, право. 2016. Вып. 4. С. 38–41.

Кривушин И.В. Лейбористский оплот под угрозой: политическое наступление шотландских националистов на Глазго в конце XX – начале XXI века // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 3. С. 77–91.

Кривушин И.В. Парадоксы шотландской политики: референдум 2014 года // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 129–143.

Кривушин И.В. «Первое пришествие» политического национализма в Шотландии // Государственный суверенитет vs. право наций на самоопределение / под ред. А.Л. Рябинина. М.: ВШЭ, 2011. С. 55–73.

Мальцев Я.И. Шотландия: нация без национализма? // Сравнительная политика и геополитика. 2015. № 4. С. 45–50.

Меркулов П.А., Тюрин Е.А., Савинова Е.Н. Эволюция шотландской национальной партии в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского национализма // Власть. 2017. № 6. С. 153–159.

Мещерякова С.М. Суверенное государство Шотландия: за и против // Вестник КемГУ. 2014. Т. 2. № 1 (57). С. 82–85.

Новиков А.В. Проблема политического компромисса о будущем деволюции: сравнительный анализ предвыборных манифестов партий Шотландии // Общество, политика, экономика, право. 2016. Вып. 5. С. 46–50.

Охошин О. Шотландская национальная партия против «мягкого» Брексита // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 5. С. 54–59.

Тюрин Е.А. Шотландия: перспективы возрождения суверенного государства // За рубежом. 2012. № 1. С. 103–110.

Тюрин Е.А., Савинова Е.В. Этнический фактор политического развития современной Шотландии // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3 (14). С. 117–123.

Черноморова Т.В. Шотландия выбрала свое будущее // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 99–116.

Agnew J. Too many Scotlands? Place, the SNP, and the future of nationalist mobilization // Scottish Geographical Journal. 2018. Vol. 134. No. 1–2. P. 5–23.

Armstrong A., Ebell M. Devolution within the UK // National Institute Economic Review. 2014. Vol. 230. No. 1. P. F4–F8.

Ashcroft R. T., Bevir M. British Multiculturalism after Empire: Immigration, Nationality, and Citizenship // Multiculturalism in the British Commonwealth: Comparative Perspectives on Theory and Practice / R.T. Ashcroft, M. Bevir (eds). Oakland, CA, 2019. P. 2–45.

Begg H.M., Stewart J.A. The Nationalist Movement in Scotland // Journal of Contemporary History. 1971. Vol. 6. P. 135–152.

Bond R. National Identities and the 2014 Independence Referendum in Scotland // Sociological Research Online. 2015. Vol. 20 (4). No. 11.

Brown A., McCrone D., Paterson L. Politics and Society in Scotland. Houndmills, 1998.

Cartrite B. The impact of the Scottish independence referendum on ethnoregionalist movements in the British Isles // Journal Commonwealth & Comparative Politics. 2012. Vol. 50. No. 4. P. 512–534.

Casanas Adam E. Self-determination and the Use of Referendums: the Case of Scotland // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2014. Vol. 27. No. 1. P. 47–66.

Colley L. Britons: Forging the Nation. New Haven, CT, 1992.

Dardanelli P., Mitchell J. An Independent Scotland? The Scottish National Party's Bid for Independence and its Prospects // The International Spectator. 2014. Vol. 49. No. 3. P. 88–105

Devine T. Independence or Union review: Scotland's past and present collide. N.Y., 2017.

Dorrego de Carlos A. El referendun sobre la independencia de Escocia // Cuadernos de Pensamiento Político. 2012. No. 34. P. 85–121.

Erlanger S. Scotland's Wee Dram of Independence // World Policy Journal. 2014/2015. Vol. 31. No. 4. P. 38–42.

Fieldhouse E., Prosser Ch. The limits of partisan loyalty: How the Scottish independence referendum cost Labour // Electoral Studies. 2018. Vol. 52. P. 11–25.

Flamini R. European Disunion: Cameron, the EU, and the Scots // World Affairs. 2014. Vol. 177. No. 3. P. 8–15.

Flamini R. Scotland's Independence Bid: History, Prospects, Challenges // World Affairs. 2013. Vol. 176. No. 1. P. 57–63.

Gehring K., Schneider S.A. Regional Resources and Democratic Secessionism // Proceedings. Annual Conference on Taxation and Minutes of the Annual Meeting of the National Tax Association. 2017. Vol. 110. P. 1–43.

Glen C.M. Nationalism, Identity and Scotland's Referendum // Contemporary European Studies. 2015. Vol. 1. P. 5–19.

Hardie S. Hardly a Moment's Discussion? Intelligence and the Scottish Referendum // Security in a Small Nation: Scotland, Democracy, Politics Scotland, Democracy, Politics / A.W. Neal (ed.). Edinburgh, 2017. P. 149–177.

Harvie C. Scotland and Nationalism: Scottish Society and Politics 1707 to the Present. L., 1998.

Has Devolution Worked? The Verdict from Policy Makers and the Public / J. Curtice, B. Seyd (eds). Manchester, 2009.

Hassan G. Anatomy of a Scottish Revolution: The Potential of Postnationalist Scotland and the Future of the United Kingdom // The Political Quarterly. 2011. Vol. 82. No. 3. P. 365–378.

Hearn J. Nationalism and normality: a comment on the Scottish independence referendum // Dialectical Anthropology. 2014. Vol. 38. No. 4. P. 505–512.

Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. L., 1975.

Hepburn E., McLoughlin P.J. Celtic Nationalism and Supranationalism: Comparing Scottish and Northern Ireland Party Responses to Europe // British Journal of Politics and International Relations. 2011. Vol. 13. P. 383–399.

Ichijo A. Scottish Nationalism and the Idea of Europe: Concepts of Europe and the Nation. L., 2004.

Jackson B. The Political Thought of Scottish Nationalism // The Political Quarterly. Vol. 85. 2014. No. 1. P. 50–56.

Keating M. The End of Union? Scottish Nationalism and the UK State // After the Nation? Critical Reflections on Nationalism and Postnationalism / K. Breen, Sh. O'Neill (eds). Basingstoke; N.Y., 2010. P. 103–119.

Keating M. The Independence of Scotland. Oxford, 2009.

Keating M., Harvie M. The Political Economy of Small European States: and Lessons for Scotland // National Institute Economic Review. 2014. No. 227. P. R54–R66.

King Ch. The Scottish Play: Edinburgh's Quest for Independence and the Future of Separatism // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. No. 5. P. 113–124.

Laible J. Separatism and Sovereignty in the New Europe: Party Politics and the Meanings of Statehood in a Supranational Context. N.Y., 2008.

Leith M.S., Soule D.P.J. Political Discourse and National Identity in Scotland. Edinburgh, 2011.

Leith M.S., Steven M. Party over Policy? Scottish Nationalism and the Politics of Independence // *The Political Quarterly*. 2010. Vol. 81. No. 2. P. 263–269.

López Basaguren A. Escocia: el referéndum sobre la independencia y la propuesta de reforma de la “Devolution” // *Revista Española de Derecho Constitucional*. 2015. No. 104. P. 135–167.

Lynch P. Scottish independence, the Quebec model of secession and the political future of the Scottish National Party // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2005. Vol. 11. No. 4. P. 503–531.

McAnulla S., Crines A. The rhetoric of Alex Salmond and the 2014 Scottish independence referendum // *British Politics*. 2017. Vol. 12. P. 473–491.

Mackay R. Multimodal legitimation: Selling Scottish independence // *Discourse & Society*. 2015. Vol. 26. No. 3. P. 323–348.

Mann R., Fenton S. Nation, Class and Resentment The Politics of National Identity in England, Scotland and Wales. L., 2017.

Mason R. Dis-United Kingdoms? What Lies Behind Scotland's Referendum on Independence // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 139–146.

McCrone D. Scotland Out the Union? The Rise and Rise of the Nationalist Agenda // *The Political Quarterly*. 2012. Vol. 83. No. 1. P. 69–76.

Morisi D. When Campaigns Can Backfire: National Identities and Support for Parties in the 2015 U.K. General Election in Scotland // *Political Research Quarterly*. 2018. Vol. 71. No. 4. P. 895–909.

Mullen T. The Scottish Independence Referendum 2014 // *Journal of Law and Society*. 2014. Vol. 41. No. 4. P. 627–640.

Muro D., Vidal D., Vlaskamp M.C. Does international recognition matter? Support for unilateral secession in Catalonia and Scotland // *Nations and Nationalism*. 2020. Vol. 26. P. 176–196.

Mycock A. SNP, identity and citizenship: re-imagining state and nation // National Identities. 2012. Vol. 14. No. 1. P. 53–69.

Nairn T. Faces of Nationalism: Janus Revisited. L., 1997.

Ozga J. Education and Nationalism in Scotland: Nationalism as a Governing Resource // The State, Schooling and Identity, Education Dialogues with/ in the Global South / K. Kantasalmi, G. Holm (eds). Singapore, 2017. P. 25–40.

Paterson L. The Autonomy of Modern Scotland. Edinburgh, 1994.

Pattie Ch., Johnston R. Sticking to the Union? Nationalism, inequality and political disaffection and the geography of Scotland's 2014 independence referendum // Regional & Federal Studies. 2017. Vol. 27. No. 1. P. 83–96.

Pertusot V. Brexit: les risques du référendum // Politique étrangère. 2016. Vol. 81. No. 1. P. 135–147.

Prentice Sh. Using automated semantic tagging in Critical Discourse Analysis: A case study on Scottish independence from a Scottish nationalist perspective // Discourse & Society. 2010. Vol. 21. No. 4. 405–437.

Preston P. Cutting Scotland Loose: Soft Nationalism and Independence-in-Europe // The British Journal of Politics and International Relations. 2008. Vol. 10. P. 717–728.

Pryde G.S. The Development of Nationalism in Scotland // The Sociological Review. 1935. Vol. 27. No. 3. P. 264–280.

Reid I.A. Shinty, Nationalism and National Autonomy in Scotland, 1887–1928 // The International Journal of the History of Sport. 2013. Vol. 30. No. 17. P. 2098–2114.

Rioux X.H. Rival economic nationalisms: Brexit and the Scottish independence movement compared // Canadian Foreign Policy Journal. 2020. Vol. 26. No. 1. P. 8–24.

Sánchez Ferro S. El referéndum de independencia escocés: ¿evolución o revolución del Derecho Constitucional británico? // Revista Española de Derecho Constitucional. 2015. No. 103. P. 111–156.

Security in a Small Nation: Scotland, Democracy, Politics Scotland, Democracy, Politics / A.W. Neal (ed.). Edinburgh, 2017.

Shikova N. Practicing Internal Self-Determination Vis-a-Vis Vital Quests for Secession // German Law Journal. 2016. Vol. 17. P. 237–264.

Smith A.T.T. Relocating the British subject: Ethnographic encounters with identity politics and nationalism during the 2014 Scottish independence referendum // *Reconfiguring the Anthropology of Britain: Ethnographic, Theoretical and Interdisciplinary Perspectives* / C. Degnen, K. Tyler (eds). (The Sociological Review Monographs. 2017. Vol. 65 (1)). P. 54–70.

Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, 1986.

Tannam E. *Brexit and the Future of the United Kingdom* Istituto Affari Internazionali. Working paper 16. Rome, 2016.

The Modern SNP: From Protest to Power / G. Hassan (ed.). Edinburgh, 2009.

Vaczi M., Bairner A., Whigham A. Where extremes meet: Sport, nationalism, and secessionism in Catalonia and Scotland // *Nations and Nationalism*. 2020. Vol. 26. No. 2. P. 1–17.

Walker W. International reactions to the Scottish referendum // *International Affairs*. 2014. Vol. 90. No. 4. P. 743–759.

Whigham S. Nationalism, party political discourse and Scottish independence: comparing discursive visions of Scotland’s constitutional status // *Nations and Nationalism*. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 1212–1237.

Whigham S., Lopez-Gonzalez H., Ramon X. “Més Que Un Joc?”: Sport and Contemporary Political Nationalism in Scotland and Catalonia // *Journal of Sport and Social Issues*. 2019. Vol. 43. No. 3. P. 219–244.

Whigham S., May A. “Sport for Yes”? The role of sporting issues in pro-independence political discourse during the Scottish independence referendum campaign // *International Journal of Sport Policy and Politics*. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 557–572.

Препринт WP21/2020/01
Серия WP21
Международные отношения
и зарубежные региональные исследования

Кривушин Иван Владимирович, Миронова Елена Владимировна

Историография шотландского сепаратизма

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Тираж 20 экз. Уч.-изд. л. 1,7
Усл. печ. л. 1,7. Заказ № . Изд. № 2326

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»